

УДК 811.134.2

НОСКОВА Анна Ильинична,
аспирант кафедры романской филологии Казанского
(Приволжского) федерального университета,
Казань, Татарстан, Россия
anastrella@mail.ru

NOSKOVA Anna Ilynichna,
Postgraduate Student, Chair of Romance Philology,
Kazan (Volga Region) Federal University.
Tatarstan (Russia)
anastrella@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА ВЕНЕСУЭЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

TOPICAL ISSUES OF SYNTAX OF THE VENEZUELAN NATIONWIDE VARIANCE OF SPANISH

В статье рассматривается своеобразие глагольной системы венесуэльского национального варианта испанского языка. Представлены актуальные особенности функционирования самостоятельных и служебных частей речи, снабженные примерами и комментариями. Также проанализированы дискурсивные маркеры, характерные для местной дифференциации испанского языка.

The paper considered specificity of the verbal system (paradigm) in the Venezuelan nationwide variance of Spanish. Factual features of functioning for the independent and auxiliary parts of speech, followed with examples and comments, have been presented. Some discourse markers specific for local differentiation of Spanish, also have been considered.

Ключевые слова: синтаксис, испанский язык, национальный вариант, Венесуэла.

Keywords: syntax, Spanish language, nationwide variance, Venezuela

Синтаксический уровень венесуэльского национального варианта испанского языка представляет собой довольно широкую и на сегодняшний день малоизученную область. Большинство работ по этой теме, появившиеся в Венесуэле в последние три десятилетия, направлены на изучение следующих вопросов: 1) обучение испанскому языку и нормам языка; 2) теоретические аспекты (генеративного характера) синтаксиса испанского языка; 3) «универсалии языка»; 4) социолингвистические исследования, направленные на выявление характеристик отдельного города или диалектной зоны Венесуэлы.

Некоторые синтаксические особенности венесуэльского варианта также характерны и для других национальных разновидностей испанского языка, поскольку представляют собой либо довольно устаревшие формы, такие как *haiga*, *fuera ido*, *habemos*, либо тенденции современного испанского языка: использование глагола *haber* в формах множественного числа или предпочтение использования перифраз для выражения будущего времени.

Феномены, характеризующие синтаксис венесуэльского варианта, распространяются на всю грамматику. Более подробно рассмотрим синтаксические особенности, свойственные местоимениям, глаголам, прилагательным, наречиям и служебным частям речи.

Личные местоимения

Как известно, личные местоимения могут быть ударными и безударными. Ударные личные местоимения, функционирующие в венесуэльском варианте, совпадают с теми, что используются во всем испаноязычном мире (*yo*, *tú*, *él*; *mí*, *tí* и т.д.). Однако следует внести два уточнения: 1) функционирование местоимения *vos* в некоторых районах страны; 2) местоимение *vosotros* практически не используется, за исключением официальных дискурсов (речь президента, церковнослужителей и т.д.).

Ударное местоимение с предшествующим ему предлогом в конструкциях типа *a mí me gusta cantar* может перейти в личное местоимение без предлога (*yo me gusta cantar* – мне нравится петь).

Местоимение *uno* традиционно рассматривается как неопределенное. Однако в некоторых контекстах оно может заменять личное местоимение, особенно *yo*. Функционирование *uno* в речи жителей Каракаса было изучено Х. Родригес (Rodríguez), которая отмечает большой процент его использования в речи низких слоев населения столицы [1].

Что касается безударных личных местоимений, то следует отметить их традиционное использование: так, местоимения косвенного падежа *lo/los* используются для выражения прямого объекта мужского рода (*lo/s veo*), *la/las* – для выражения прямого объекта женского рода (*la/s veo*) и *le/s* – для выражения непрямого объекта (*le/s doy un libro*). Но нередко можно встретить примеры «leísmo»: *Le invitamos a participar...* – Мы Вас приглашаем к участию...; *A continuación le oiremos [al pianista] interpretando una sonata* – В продолжении мы услышим его [пианиста] в интерпретации сонаты и т.п. [2, с. 79].

С. Наварро (Navarro) в своем изучении позиции безударного местоимения в инфинитивных перифразах (*no (lo) puedo decir(lo)* – я не могу этого сказать) и герундии (*yo no (me) voy a*

seguir tomando(me) esas pastillas – я не буду продолжать принимать эти таблетки) отмечает тенденцию к постановке местоимения после главного глагола [3, с. 114].

Феномен, распространенный на всей территории страны, это замена местоимения *lo* на *los*: так фраза типа *yo se lo dije a ustedes* – я это сказал Вам перейдет в *yo se los dije a ustedes* [4, с. 142]. Это объясняется необходимостью компенсировать в какой-либо степени семантическую непрозрачность местоимения *se* по отношению к роду и числу, с которыми оно соотносится.

В венесуэльском варианте обычно не дублируется прямой объект, за исключением тех контекстов, когда необходим эмфазис: *los colegas están dando una batalla que es muy importante apoyarla* – коллеги ведут борьбу, которую так важно поддержать; *otra que no está aquí y uno tiene que comprarla* – этой нет, и кто-то должен ее купить [5; 6, с. 79]. Напротив, дублирование непрямого дополнения при помощи *le/s* очень распространено, даже если не прямой объект выражается неодушевленным существительным: *le di un golpe a la puerta* – я пнул дверь; *le pedí una beca a la universidad* – я запросил стипендию у университета [7, с. 785].

Использование местоимения *le* вместо *les* типично для фраз, где в качестве непрямого дополнения выступает существительное во множественном числе: *le dieron libros y cuadernos a todos estudiantes que lo solicitaron* – книги и тетради выдали всем студентам, кто их запрашивал; *yo le dije a mis hermanos* – я сказал своим братьям [4, с. 142; 7, с. 786].

В венесуэльском варианте характерно использование местоимения в дательном падеже в конструкциях типа *el niño no me come* – ребенок не ест у меня; *no te me vayas* – не покидай меня, когда говорящий хочет показать интерес по отношению к действиям другого [8, с. 181–184].

Местоимение *le* также используется в устоявшихся выражениях типа: *a ese edificio se le entra por el estacionamiento* – вход в это здание через стоянку. [9, с. 122].

Выражение принадлежности

В современном испанском языке показатель принадлежности может выражаться как минимум четырьмя способами: притяжательное местоимение в препозиции (*su casa*), притяжательное местоимение в постпозиции (*la casa suya*), притяжательное местоимение аналитического строя (*la casa de él*) и двойное (избыточное) притяжательное местоимение (*su casa de él, mi casa mía*).

Реализация различных способов выражения притяжательности в венесуэльском варианте была объектом изучения многих работ, основными выводами которых являются следующие факты:

1) местоимение в 1 л. ед. ч. чаще встречается в препозиции (*mi libro*), нежели в постпозиции (*el libro mío*); последнее в основном используется с существительными, выражающими родственную или эмоциональную связь (*el hijo mío; el carrito mío*) и функционирует чаще всего в речи низких социальных слоев.

2) местоимения *usted* и *ustedes*, которые семантически соответствуют формам обращения 2 л. ед. и мн. ч. (*su libro, el libro suyo, el libro de usted/les*) синтаксически реализуются в формах 3 л.

3) местоимения в 3 л. ед. и мн. ч. чаще встречаются в препозиции (*su/s casa/s*), нежели в постпозиции (*la/s casa/s suya/s; la/s casa/s de X*); последнее, согласно исследованиям Ф. Фрейтеса (Freites), практически не используется – 0,05% [10]. Наибольшее чередование наблюдается между местоимением в препозиции и его полным отсутствием. Имеются случаи обязательного использования притяжательного местоимения *su*, например, когда оно согласуется с неодушевленным существительным (*cada casa tenía su patio de gallinas* – каждый дом имел свой собственный двор с курами), коллективным существительным (*esta gente ha vivido toda su vida allá* – эти люди всю свою жизнь прожили там) или когда «постановка местоимения» носит эмоционально-экспрессивный характер (*lo veíamos parado esperando su autobús* – мы видели, что он не двигался и ожидал свой автобус) [10, с. 28]. Согласно Фрейтесу (Freites), помимо отмеченных предпочтений в использовании притяжательного местоимения в препозиции, также существует ряд лингвистических и экстралингвистических факторов, благоприятствующих притяжательному местоимению аналитического строя в постпозиции, например, наличие существительного, выражающее принадлежность и выполняющее грамматическую роль подлежащего (*el papá de él era libanés* его папа был ливанцем) или именного сказуемого (*era sobrino de ella* – это был ее племянник) [10, с. 41].

4) в 1 л. мн. ч. чаще используется форма местоимения в препозиции (*nuestra casa*), нежели в аналитической форме (*la casa de nosotros*) или в постпозиции (*la casa nuestra*).

Препозиция притяжательного местоимения свойственна в тех случаях, когда не выражается истинная принадлежность (*es nuestra responsabilidad*); аналитическая форма – при наличии истинной принадлежности, родственных связей (*el papá de nosotros*) или эмоциональности (*el perro de nosotros*) [10, с. 46].

5) избыточное притяжательное местоимение – явление редко встречаемое. Так, Ледесма и Баррера (Ledezma, Barrera) иллюстрируют лишь несколько случаев: [*en ese momento*] *me contesta toda mi tripulación mía* [*у в этот момент*] *мне отвечает весь мой экипаж*; [*aprendí a pintar*] *por mi cuenta mía* – [*научился рисовать*] *сам* [8, с. 172].

Возвращаясь к притяжательному местоимению в препозиции, следует отметить, что его использование наиболее частотно в неформальной речи венесуэльцев с целью придать фразе эмоционально-оценочный оттенок: *le pongo su sal, su comino...* – *я положу вам соли, тмина...*; *el hombre sabía su inglés* – *мужчина прекрасно говорил по-английски*; *no se moleste, mi doña* – *не утруждайтесь, душа моя* [8, с. 168].

Притяжательное прилагательное *mío/a* в основном используется вместо *por mí* (*esta casita sí es hecha mía (por mí)* – *этот домик я сам построил*) в разговорной и простонародной речи низких социальных слоев [8, с. 176].

Глаголы

Изучение глаголов представляет определенную трудность в связи с обширным материалом и различными перспективами его анализа и обработки. В данной работе для изучения функционирования глаголов в венесуэльском варианте мы выделим четыре основные подгруппы: первые две посвящены изъявительному и сослагательному наклонениям соответственно, третья – герундиальным перифразам и четвертая – различным аспектам, касающимся глаголов.

1. Изъявительное наклонение.

В венесуэльском варианте использование простого прошедшего (*canté*) и сложного прошедшего времени (*he cantado*) в целом совпадает с нормами испанского языка: так, простое прошедшее выражает точное действие в отдаленном прошлом (*Bolívar nació en 1783* – *Боливар родился в 1783*), в то время как сложное прошедшее относится к действию или ситуации, начавшимся в прошлом и до сих пор незаконченным (*el profesor no ha llegado todavía* – *преподаватель все еще не пришел*; *a él siempre le ha gustado escribir* – *ему всегда нравилось писать*). При этом имеются случаи, отличающие венесуэльский вариант от других национальных дифференциаций испанского и, особенно, от самого пиренейского испанского языка. Так, если в Испании чаще используется сложное прошедшее время для выражения законченных действий, особенно если они завершились в недалеком прошлом (*mi tía se ha muerto ayer*; *ya he desayunado*), то в венесуэльском варианте идентичные значения передаются при помощи простого прошедшего времени (*mi tía se murió ayer* – *моя тетя вчера умерла*; *ya desayuné* – *я уже позавтракал*). Как отмечает Ледесма (Ledezma), характерным для венесуэльского варианта является то, что простое прошедшее время выражает законченное действие, а сложное прошедшее – незаконченное [11]. Многочисленные контекстуальные условия, обуславливающие функционирование простого прошедшего времени, свидетельствуют о его частом использовании в венесуэльском варианте по сравнению со сложным прошедшим.

Существует немало работ, посвященных использованию чередующихся форм будущего времени: морфологической (*cantaré*) и перифразной *ir a + infinitivo* (*voy a cantar*). Результаты анализа, базирующиеся на корпусе спонтанной речи, показали предпочтение в использовании обеих форм в процентном соотношении: на перифразную форму приходится около 88%, а на морфологическую форму – около 12%. Авторы различных работ отмечают использование морфологической формы будущего времени для выражения сомнения, предположения или сообщения по отношению не столько к будущему времени, а к настоящему (*¿Será que ya no te quiere?* – *Возможно, он меня больше не любит?*) [12, с. 107]. Данное явление наиболее характерно для устной речи венесуэльцев.

Некоторые авторы отмечают использование настоящего времени для выражения будущего и приписывают ему значение полной уверенности в совершении действия (*mi hijo cumple años mañana* – *у моего сына завтра день рождения*) или ближайшего исполнения сказанного (*salimos dentro de media hora* – *выходим через полчаса*) [13; 14, с. 198].

В условных предложениях, не относящихся к прошедшему времени, глагол действия выступает в сослагательном наклонении (*yo te compraría una casa si tuviera dinero* – *я бы купил себе дом, если бы у меня были деньги*), однако иногда может использоваться в форме имперфекта (*yo te comprara una casa si tuviera dinero*) [15, с. 37].

2. Сослагательное наклонение

За исключением некоторых случаев, сослагательное наклонение в венесуэльском варианте ведет себя так же, как и в испанском языке в целом. Среди характерных для местной дифференциации случаев использования сослагательного наклонения можем выделить следующие: 1) в подчинительной части условных предложений, относящихся к прошедшему времени (*yo lo hubiera saludado si lo **hubiera visto** – я бы с ним поздоровался, если бы его увидел*); 2) в некоторых случаях с конструкцией *no sé (no sé si **vaya** a la fiesta – не знаю пойду ли я на праздник*); 3) в конструкциях со словом *parecer (la memoria personal **pareciera** ser una experiencia interior – человеческая память, видимо, представляет собой внутренний опыт)*, широко используемых в письменной речи; 4) в контекстах, этимологически связанных с латинским плюсквамперфектом и относящихся к прошедшему времени (*Ayer falleció X, quien **fuera** un ilustre poeta venezolano – Вчера ушел из жизни X, известный венесуэльский поэт*); это явление также характерно для письменной речи [15, с. 41–59].

Что касается форм имперфекта и плюсквамперфекта сослагательного наклонения, представляется любопытным выяснить, какие формы используются чаще в венесуэльском варианте: на -*ra* (*cantara, hubiera cantado*) или на -*se* (*cantase, hubiese cantado*). С. Наварро (Navarro) приводит данные о 90,7% форм на -*ra*, что свидетельствует о низком уровне использования форм на -*se* [16]. Флорес Ортега (Flores Ortega) отмечает, что все андийские дети, участвовавшие в исследовании, предпочли формы на -*ra* [17, с. 1123]. С. Кампос (Campos), изучавший данный феномен на базе корпуса речи жителей Каракаса, приводит данные о 88,4% форм на -*ra* и 11,6% форм на -*se* [18]. И. Чумасейро (Chumaceiro), в свою очередь, базирует свои результаты на опросе 72 жителей Каракаса и приходит к выводу, что 56% опрошенных используют формы на -*ra*, 28% – формы на -*se* и 16% используют попеременно в своей речи обе формы [19]. Автор также указывает на социальный престиж, который приобрели формы на -*se*, благодаря своему функционированию в выпусках новостей, различных дискуссионных программах и т.д. По мнению лингвиста, этот социальный престиж может послужить мощным толчком для распространения форм на -*se* и привести к лингвистическому повороту.

3. Герундиальные перифразы

Среди наиболее характерных для венесуэльского варианта перифраз с использованием герундия следует отметить те, что реализуются со вспомогательными глаголами *ir* или *venir*, сопровождая глагол движения (*cuando **íbamos** entrando – когда мы входили; él **venía** saliendo del baño – он бежал из ванной комнаты*) [20, с. 69]. Речь идет о фразах, которые в общем испанском языке выражаются при помощи глагола *estar* (*cuando **estábamos** entrando; él **estaba** saliendo del baño*).

В продолжение приведем четыре наиболее частотных использования перифраз: 1) вспомогательный глагол *ir* может появиться в имперфекте изъявительного наклонения для выражения действия на грани его совершения: *el tipo me **iba** matando – этот тип чуть меня не убил*; 2) вспомогательный глагол *venir* может использоваться в простом прошедшем времени для выражения того, что действие не совершалось до указанного момента: *yo **vine** conociéndolo ayer – я с ним познакомился вчера (я его не знал до вчерашнего дня)*; 3) все чаще используются перифразы для выражения будущего времени: *me **estoy yendo** mañana – я уезжаю завтра*; 4) вспомогательный глагол *tener* используется вместо *estar*: *no **tuviéramos** (estuviéramos) viviendo aquí – мы не жили здесь, **tuvimos** (estuvimos) bailando – мы танцевали*; этот феномен может быть объяснен смешением двух конструкций: *estar* + глагол в герундии (*estamos jugando – мы играем*) и *tener* [tiempo] + глагол в герундии (*ya tenemos tiempo jugando – мы уже играем несколько [времени]*) [20, с. 47–71]. Кроме того, для речи низких социальных слоев характерно сжатие начальных звуков, что приводит к появлению форм *tuviéramos* (*estuviéramos*), *tuvimos* (*estuvimos*) и т.п.

4. Другие случаи употребления глаголов

В связи с тем, что в испанском языке функционирует два соединительных глагола *ser* и *estar*, возникают случаи использования одного глагола вместо другого. Отсюда использование глагола *estar* вместо *ser* в выражениях, связанных с возрастом: *cuando yo **estaba** niño* вместо *cuando yo **era** niño – когда я был ребенком* [21, с. 499]. Этот феномен, уже встречающийся в текстах венесуэльских писателей прошлого столетия, на сегодняшний день распространен по всей стране, хотя затруднительно сказать, является ли он поворотом в языке или лишь чередующейся формой.

В неформальной речи часто используется глагол *estar* в сопровождении предлога *para* и обстоятельства места: *mi abuela **está para** (en) mercado – моя бабушка на рынке* [21, с. 501]. Появление данного феномена объясняется смешением двух равноценно используемых

конструкций: находиться в каком-либо месте (*estar en el mercado*) и направляться в какое-либо место (*ir para el mercado*).

Использование глагола *haber* в формах мн. ч. (*habían, hubieron pájaros* – были птицы). Данный феномен был изучен многими авторами и все они сходятся во мнении, что использование данного глагола в форме мн. ч. превышает формы ед. ч. По степени частотности на первом месте находятся перифразные формы (*pueden haber pájaros*), затем формы в имперфекте сослагательного наклонения (*habían pájaros*) и, наконец, формы простого прошедшего времени (*hubieron pájaros*) [22, с. 132].

Тенденция к «персонализации» глагола *haber* привела к появлению его формы в 1 л. мн. ч. – *habemos*. Эта форма используется в контекстах, заменяя собой традиционные *hay, estamos, somos* (*en mi familia habemos nueve personas* – нас в семье девять человек) [22, с. 136].

Плюрализация форм глаголов в венесуэльском варианте происходит и с другими традиционно безличными глаголами, например, с *hacer* в его временном значении (*hacen días*). Однако, согласно исследованиям Н. Торроха (Torroja), данный феномен характерен лишь для речи жителей столицы [23].

Использование формы *haiga* вместо *haya* (*mientras haiga material*), так же как и глагола *ser* вместо *haber* (*nosotros fuéramos ido*), засвидетельствовано в речи низких социальных слоев городов и деревень [24, с. 211–212]. Аналогичная ситуация с функционированием конструкции *darse de cuenta* вместо *darse cuenta*. Использование окончаний *-nos* вместо *-mos* (*estábanos, veníanos*) также характерно для малообразованных людей [25].

В венесуэльском варианте очень распространена конструкция *tener* + период времени + глагол в герундии (*tengo dos años trabajando aquí* – уже два года как я здесь работаю), которая чередуется с собственно испанской *hacer...* (*hace dos años que trabajo aquí*) [26, с. 858].

Широко распространено местоименное использование глаголов *devolverse, voltearse* и *recordarse*. Первый глагол имеет значение «вернуться в исходное место» (*se nos había olvidado el libro y nos devolvimos a buscarlo* – мы забыли книгу и вернулись обратно поискать ее); второй глагол – «повернуться» (*volteáte, por favor* – повернись, пожалуйста); третий глагол используется вместо глагола *acordarse* (*yo me recuerdo que llovía mucho* – помню, что шел сильный дождь) [27, с. 176]. Значения и использование глагола *decir* в речи жителей Каракаса были изучены К. Малаве (Malavé) и Х. Соренсен (Sórensen); любопытна его реализация в значении «полагать, думать» (*yo compré ahí... yo digo que eso fue una golilla ¿no?* – и я купила там... я думаю, это был гофрированный воротник, да?) и его частотное функционирование в качестве дискурсного маркера (*¿qué te digo? ¿cómo te digo? ¿Qué te diría?*) [28; 29, с. 64].

Прилагательные и наречия

В венесуэльском варианте достаточно широко распространена адвербиализация таких прилагательных, как *lindo, sabroso, bueno* в выражениях типа *canta muy lindo* – поет очень красиво, *comí sabroso* – поел вкусно, *ya está bueno!* – уже хорошо! Аналогичным образом происходит адъективация наречия *medio* в выражениях *media cansada* – немного усталая, *medios muertos* – полумертвые [7, с. 796]. В простонародной речи низких слоев прилагательное *cualquier* приобретает форму *cualquiera* в использовании с существительными женского рода единственного числа (*cualquiera cosa* – любая вещь).

Кратко представим наречия и адвербиальные выражения, характерные для неформальной речи венесуэльского варианта: 1) *de repente* используется в значении «возможно» (*No pienso salir, pero si Juan me llama por teléfono, de repente salgo* – Я не собираюсь сегодня выходить, но если Хуан позвонит мне по телефону, то, возможно, я выйду); 2) каноническое выражение *al final* все чаще заменяется на *a la final* (*a la final es ella la que va a tener el hijo* – в итоге, это она – та, у которой будет сын); 3) *de primero, de segundo, de último* заменяют выражения *el primero, el segundo, el último* в конструкциях типа *mi hijo llegó de primero en la competencia de natación* – мой сын был первым в соревнованиях по плаванию; 4) *a juro* используется со значением обязательности (*tengo que hacer la tarea a juro* – я обязательно должен это сделать); 5) *bien* чередуется с *muy* перед прилагательным (*es bien / muy bonito* – очень красиво); 6) *un poco de* может означать «мало», а также «много» в зависимости от контекста: так, с исчисляемыми существительными реализуется значение «много» (*le dieron un poco de regalos* – ему дали немного подарков), с неисчисляемыми существительными (*dame un poco de azúcar* – дай мне немного сахара) значение носит двойственный характер, что обуславливает использование заменяющих конструкций *un pocote de, un pocotón de* («много») и *un poquito, un pelo, un pelín* («мало») [30, с. 304–305].

В венесуэльском варианте параллельно функционирует пять указательных наречий: *aquí, acá, ahí, allí, allá*: их распределение напрямую обусловлено лингвистическими и социолингвистическими факторами [1; 31]. Из пяти наречий наиболее частотными являются *aquí, ahí* и *allá*. Высокая степень использования наречия *ahí* обусловлена не только его обычными случаями функционирования в испанском языке – среди которых прямое деиктическое значение (*el libro está ahí ¿no lo ves? – книга вон там, видишь?*), указание на неопределенное место (*esos muchachos se la pasan por ahí sin hacer nada – эти парни шатаются без дела*) и анафорическое значение (*Pedro fuma mucho, de ahí que siempre ande con bronquitis – Педро много курит, вот и мучается бронхитом*) – но и случаями, характерными непосредственно для венесуэльского варианта: значение приблизительности (*nació por ahí por 1986 – он родился где-то в 1986*), регулярности (*estoy ahí ahí – дела у меня нормально*) и выражения типа *dame un cafecito ahí – дайка мне кофейку; salí con un muchacho ahí de la universidad – у меня было свидание с этим-то, из университета* [30, с. 307; 31; 32; 33; 34].

Что касается использования наречий, то известны несколько случаев, которые могли бы рассматриваться как собственно венесуэльские. Одним из них является постановка *más* в выражениях *más nunca, más nadie, más ninguno, más nada*. Последнее, по словам Х. Мийоши (Miyoshi), используется в значении «ничего такого» (*no he hecho más nada de importancia – я ничего такого важного не сделал*), в то время как *nada más (que)* несет значение «только» (*nada más lo conocía de vista – я его знал только в лицо*) [35, с. 148].

В простанародной речи низких слоев распространена постановка *más* не в правильном – с точки зрения стандартного испанского языка (*lo que más, el que más*) – месте, что приводит к появлению конструкций типа: *yo lo más que como son papas – больше всего я ем картофель; eso es lo más que te lleva tiempo – это то, что отнимает у тебя больше всего времени; yo soy el más que salgo – я больше всех тусуюсь* [30, с. 301].

В местной дифференциации генерализирована препозиционная постановка наречия *ya* с личными местоимениями (*ya yo lo hice – я уже это сделал*). Постановка наречия *ya* в конце высказывания несет значение «сей же час, без промедления» (*¡Ya esta bueno, niños! ¡Se me van a dormir YA! – Ну, все дети, довольно! Сейчас же идите спать!*) [30, с. 306].

Служебные части речи

В синтаксисе венесуэльского варианта имеется несколько отличительных случаев, связанных с функционированием служебных частей речи. Один из них – это неканоническое использование предлога, особенно перед существительным с *que* (*creo de que el gobierno sabe lo que hace – думаю, государство знает, что делает*) [36, с. 74]. Этот феномен известен как «dequeísmo», во многом потому, что чаще всего «добавочным» предлогом является *de*, хотя известны случаи и с предлогом *en* (*yo pienso en que hoy en día somos presa de la publicidad – думаю, что на сегодняшний день мы все – добыча рекламы*) [36, с. 88]. Явление «dequeísmo» в речи жителей Каракаса было изучено П. Бентиволио (Bentivoglio), Ф. Д'Интроно (D'Introno) и Е. Гарсия (E. García). Своеобразным объяснением феномена «dequeísmo» могут служить два аспекта: первый, это смешение – в основном в речи среднего класса – двух конструкций: одной, требующей постановки предлога (*me di cuenta de que era tarde – я понял, что было уже поздно*), и второй, требующей его отсутствия (*creo que llegará mañana – думаю, он придет завтра*); второй аспект предполагает, что «добавочный» предлог передает сомнение, неуверенность говорящего относительно содержания своего высказывания [37, с. 49]: так, фраза типа *creo de que la situación económica va a mejorar – думаю, что экономическая ситуация улучшится*, обозначает, что говорящий мало уверен в реальном улучшении экономической ситуации.

В свою очередь, «канонический» предлог может отсутствовать в определенных контекстах, среди которых: 1) глаголы, требующие предлога (*no me acuerdo (de) la fecha – я не помню о дате*); 2) перед непрямым дополнением, стоящим перед глаголом ((a) *mi mamá le daba pena – моей матери было жаль*); 3) перед подчинительной частью предложения с *que* (*estoy segura (de) que llegaremos tarde – я уверена, что мы приедем поздно*) [38, с. 123; 39, с. 92].

Наравне с другими дифференциациями испанского языка, в венесуэльском варианте часто происходит замена одного предлога другим (*quedaron de (en) verse – они увиделись; participar de (en) la evaluación – участвовать в эволюции; consiste de (en) cuatro grupos – состоит из четырех групп*) [6; 40, с. 64].

Отдельного внимания заслуживает подчинительный союз *que*, как наиболее часто используемый в венесуэльском варианте. Его функционирование в качестве относительного союза и союзного слова было изучено Ф. Д'Интроно (D'Introno) и Л. Ривас (Rivas).

Использование *que* носит практически абсолютный характер в конструкциях с анафорическими местоимениями: *ese alumno que su padre es ministro* – ученик, чей отец – министр, *el amigo que te hablé ayer de él* – друг, о котором я тебе вчера говорил [41, с. 217].

С использованием союза *que* связан так называемый феномен «*que galicado*» (*allí fue que coposí a García* – и тогда я познакомился с Гарсией). Здесь *que* выступает в качестве своеобразного «антецедента», который может иметь несколько значений: обстоятельство причины (*por eso es por lo / que no me interesa* – вот почему он мне не интересен), времени (*fue ayer cuando / que lo ví* – это было вчера, когда я его увидел), способа (*es así como / que se hace* – вот как он это делает), места (*es ahí donde / que vive* – это там, где он живет), подлежащее (*ellos son los que / que tienen que estar viendo las fotos* – это они должны рассматривать фотографии) или дополнение (*eso es lo que / que yo pienso* – это то, что я думаю) [42; 43; 44; 44; 45, с. 147–149; 46].

Синтаксические структуры

Характерной чертой синтаксиса венесуэльского варианта является появление после сказуемого глагола *ser*, прагматической функцией которого является привлечение внимания слушающего на последующее слово фразы. Так, в предложении типа *el doctor llega es a las cinco* – доктор придет в пять акцент делается именно на время прихода доктора. Такое фокусное использование глагола *ser* характерно для речи всех слоев населения, но наибольшим образом – для низких слоев: акцент может ставиться не только на предложную конструкцию (*a las cinco* – в пять) или наречие (*ahorita* – сейчас), но и на существительное (*llegó fue Juan* – пришел Хуан) [47, с. 62].

В инфинитивных конструкциях с предлогом подлежащее может появиться перед инфинитивом (*al María venir* – придя, Мария...; *para tú graduarte* – чтобы ты выпустился из университета; *sin yo quererlo* – я сделал это не специально) [47, с. 65]. Согласно П. Бентиволио (Bentivoglio), данный феномен может являться пережитком античной модели, широко изученной Кенистом на документах XVI в. [48, с. 7]. В венесуэльском варианте появление подлежащего перед инфинитивом было изучено П. Бентиволио (Bentivoglio) и М. Суньер (Suñer). Последняя полагает, что данная препозиция – часть тенденции испанского языка Карибских островов, в котором распространена постановка подлежащего перед глаголом [49].

Относительные предложные конструкции были изучены несколькими авторами, которые пришли к выводу, что наиболее часто они используются с подлежащим (*parece representar un símbolo que se prolonga sobre mi vida* – это преследует меня всю жизнь), прямым дополнением (*debe presentar un examen de recuperación de esas unidades que no aprobó* – вы должны пересдать экзамены по всем дисциплинам, которые провалили) и различными обстоятельствами (*la velocidad la medimos de acuerdo a la velocidad con que aparecen los productos* – скорость мы измеряем согласно скорости появления продуктов) [6; 41, с. 549; 50, с. 315].

Дискурсивные маркеры и формулы

Высокая частотность употребления дискурсивных маркеров и их тесная связь с историей и культурой определенной местности превращают их в полезные инструменты для поиска диалектальных различий. Среди наиболее часто используемых маркеров венесуэльского варианта У. Обрегон (Obregón) отмечает *entonces, bueno, por lo menos, pues, ¿ve?, o sea* и *este* [51, с. 66]. В речи высоких социальных слоев автор также регистрирует слова *actualmente, realmente, verdaderamente*. Среди низких слоев выделяет *por lo menos (por lo menos el alto Apure arriba tiene mucho venao* – в Альто Апуре водится много оленей), *dígame (dígame, que aquí a los dos meses hay caraota, dígame eso* – а правда, что здесь два месяца растет фасоль, да ведь?), *ahí (después del árbol viene un poco 'e peladero ahí y el río* – за деревом будет небольшая свиной бойня и там уже река), *¿cómo es? (Después que ya usted echa su su su, ¿cómo es? la carne* – после того, как вы вставите свою, как это, камрочку), *¡ah pues! (Ajá, ¿además de las misas? Ah pues, el patrón pues, las fiestas, las s misas. Кроме мессы? Короче, это и покровитель, и праздники, и мессы) и множество других* [51, с. 66]. Р. Мостасеро (Mostacero) в своем исследовании, посвященном дискурсивным маркерам, используемым детьми города Матрин (Монагас), отмечает среди наиболее частотных *mira(e/n), ¿oíste?, ¿verdad?, ¿sabes?, okey, entonces, bueno, jera(le)!, ¡cónchale!, ¡vermo!, ¡ya va!* [52, с. 37].

Дискурсивные формулы лежат одновременно в плоскости синтаксиса и лексики. Наравне с дискурсивными маркерами они являются хорошим отражением общества, которое их создает и адаптирует, поэтому необходимо принимать их в расчет при описании характеристик венесуэльского варианта. Среди многочисленных формул А. Гомес (Gómez) изучает формы обращения (*Misia* – драгоценнейшая, *mi doñita* – моя лапуля, *Ña Juana* – милашка Хуана), отве-

ты на приветствие (– *¿Cómo está? – Regular pal tiempo – Как дела? – Пойдет (нормально)*), сомнения (*quién sabe; quién quita – кто знает*), удивления (*¡Dígame eso! ¡Cómo va a ser! ¡Adiós, corotos! – Да, ладно! Ничего себе! Скажешь тоже!*) и другие, найденные в текстах венесуэльских писателей [53, с. 71].

Как видно из вышеизложенного материала, на процесс формирования грамматической системы в венесуэльском варианте испанского языка оказали влияние как интра-, так и экстралингвистические факторы. Учет всего многообразия причин, предопределяющих порождение вариантов и влияющих на их развитие, важен для раскрытия механизма варьирования грамматических средств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Rodríguez Briones J. Z. Uno ¿Pronombre indefinido o deíctico personal ampliado? Omnia 2.2. – Maracaibo: LUZ. 1996. – 132 p. Pp. 24-38.
2. Pérez Arreaza L. La función acusativa del clítico le en el habla de Caracas. Ponencia presentada en las IV Jornadas de Investigación del Núcleo de Decanos de Humanidades y Educación. – Valencia: EA. 1999. – 117 p.
3. Navarro Correa M. Clíticos y frases verbales en el habla de Valencia. Español Actual 53. – Madrid: ARCO/LIBROS, S.L. 1990. – 129 p. Pp. 111-120.
4. Mosonyi E. E. El habla de Caracas (Estudio de Caracas, vol. VI, tomo V). – Caracas: UCV. 1971. – 821 p.
5. Flores L. G. Resumptive pronouns in Venezuelan spanish: A new analysis of relativization. Tesis de Maestría, University of Pennsylvania. 1987.
6. Rivas L. M. Usos de los pronombres relativos en el habla culta de Caracas. – Caracas: UCV. 1987. – 149 p.
7. Bentivoglio P., Sedano M. El español hablado en Venezuela. En César Hernández Alonso (Ed.). Historia y presente del español de América. – Salamanca: Junta de Castilla y León. 1992. – 858 p. Pp. 775-801.
8. Ledezma M., Barrera Linares L. Algunos fenómenos morfosintácticos del habla de Venezuela. Letras 43. – Caracas: IUPC. 1985. – 256 p. Pp. 140-221.
9. Sedano M., Bentivoglio P. Venezuela. En Manuel Alvar (Dir.), Manual de dialectología hispánica. El Español de América. – Barcelona: Ariel. 1996. – 254 p. Pp. 116-133.
10. Freitas Barros F. Uso de la forma posesiva pospuesta perifrástica de segunda y tercera persona en el habla de Caracas. Tesis de Maestría. – Maracay: UPEL e Instituto Pedagógico de Maracay. 1998.
11. Ledezma M. El uso del pretérito y del antepresente en el habla de algunas regiones de Venezuela. En actas del V Congreso Internacional de la ALFAL 1978. – Caracas: UCV. 1986. 1032 p. Pp. 376-383.
12. Álvarez A., Álvaro B. Los usos del futuro en las telenovelas. Video-Forum 10.5-28. – Caracas: Fundación Academia Nacional de Ciencias y Artes del Cine y la Televisión. 1981.
13. Navarro Correa M. El futuro de indicativo en el habla de Valencia (Venezuela). Ponencia presentada en el VII ENDIL. – Maracaibo: ENDIL. 1986. – 592 p.
14. Silva-Corvalán C., Terrell T. D. Notas sobre la expresión de futuridad en el español del Caribe. Hispanic Linguistics 2,2. 1989. – 276 p. Pp. 190-208.
15. Chumaceiro I. Las oraciones condicionales (no pasado) en el español de Caracas. – Caracas: UCV. 1990. – 94 p.
16. Navarro Correa M. La alternancia -ra/-se y -ra/-ría en el habla de Valencia (Venezuela). Thesaurus XLV. – Bogotá: Instituto Caro y Cuervo. 1990. – 849 p. Pp. 481-488.
17. Flores Ortega B. El subjuntivo: presente y pretérito en niños venezolanos por estrato social, edad y sexo. Un estudio de casos. En Alfredo Matus, II. 1995. Pp. 1118-1125.
18. Campos Z. La alternancia de la forma -ra/-se en el español de Caracas. Ponencia presentada en la XLIII Convención Anual de la AsoVAC. – Mérida: UCV. – 763 p. 1993.
19. Chumaceiro I. Estudio de creencias y actitudes lingüísticas en relación con alternancia -ra/-se en el español de Caracas. En Alfredo Matus, I. 1995. Pp. 297-305.
20. Álvarez A., Álvaro B. El idioma español de la Venezuela actual. – Caracas: Cuadernos LAGOVEN. 1992. – 412 p.
21. De Jonge R. La cosa (no) es como está. En César Hernández Alonso (Eds.), El español de América. Actas del III Congreso Internacional de «El español de América», 1. – Valladolid: Junta de Castilla y León. 1991. Pp. 495-504.
22. Alario A. La pluralización del verbo haber en el español de Caracas: un análisis sociolingüístico. Ponencia presentada en la XLII Convención Anual de la AsoVAC. – Caracas: UCV. 1992. – 298 p.
23. Torroja N. La pluralización de hacer en las expresiones temporales. Su manifestación en el habla de Caracas. Ponencia presentada en el XL Congreso Internacional de la ALFAL. – Las Palmas de Gran Canaria: LUZ. 1996. – 344 p.
24. Navarro Correa M. Valoración social de algunas formas verbales en el habla de Valencia (Venezuela). Anuario de Lingüística Hispánica VIII. 1992. Pp. 201-231.
25. Molina de Meza T. Sustitución del morfema gramatical mos por la desinencia nos (veníamos-veníanos) en el español de la ciudad de Mérida. Ponencia presentada en la XLIII Convención Anual de la AsoVAC. – Mérida: LUZ. 1993. – 279p.
26. Torroja N. La expresión temporal con los verbos hacer y tener en el habla de Caracas. En Alfredo Matus II. 1995. Pp. 855-866.
27. Navarro Correa M. Uso de recordar, acordarse y recordarse en el habla de Valencia. Ponencia presentada en la XLIII Convención Anual de la AsoVAC. – Mérida: LUZ. 1993. – 312 p.

28. *Malavé C.* Perfil semántico-sintáctico del verbo decir en el habla de Caracas. Tesis de Licenciatura. – Caracas: UCV. 1990.
29. *Sórensen H.* El verbo decir como marcador de discurso en el habla de Caracas. Núcleo 15. – Caracas: UCV. 1998. Pp. 93-110.
30. *Navarro Correa M.* Vitalidad de algunos adverbios en el habla de Valencia (Venezuela). En Manuel Almeida y Josefina Dorta (Eds.), Contribuciones al estudio de la lingüística hispánica. Homenaje al Profesor Manuel Trujilla I. – Barcelona: Montesinos. 1997. Pp. 295-309.
31. *Sedano M.* Los adverbios demostrativos en el español de Caracas y otras ciudades hispanohablantes. Tesis de Doctorado. – Caracas: Universidad Nacional de Educación a Distancia. 1996.
32. *Álvarez A.* Vestigios de origen criollo: un análisis de marcadores en el español de Venezuela. Anuario de Lingüística Hispánica VII. 1991. Pp. 9-27.
33. *Rodríguez Briones J. Z.* Uso de los deícticos espaciales en el habla culta de Caracas. – Caracas: UCV. 1994. – 127 p.
34. *Sedano M.* Las posibilidades de ahí como elemento central del sistema locativo. En Marina Arjona. 1996. Pp. 103-108.
35. *Miyoshi J.* Las secuencias del tipo más nada en el habla culta de Caracas. Ponencia presentada en el VI Congreso Internacional de «El español de América». – Burgos: LUZ. 1995. – 341 p.
36. *Bentivoglio P., D'Introno.* Análisis sociolingüístico del dequeísmo en el habla de Caracas. Boletín de la Academia Puertorriqueña de la Lengua Española V. – Caracas: ARCO/LIBROS. Pp. 59-82.
37. *García É.* El fenómeno (de) dequeísmo desde una perspectiva dinámica del uso comunicativo de la lengua. En José G. Moreno de Alna (Ed.), Actas del II Congreso Internacional sobre el español de América. – México: UNAM. 1986. Pp. 46-65.
38. *Galué D.* El queísmo en el habla de Caracas: un caso de variación lingüística. Núcleo 13. – Caracas: UCV. 1996. Pp. 9-26.
39. *Galué D.* Me di cuenta que... Un estudio sociolingüístico del habla de Caracas. Tesis de Maestría. – Caracas: UCV. 1998.
40. *García C.* Algunos usos de las preposiciones en y de en el habla culta de Caracas. Tesis de Licenciatura. – Caracas: UCV. 1973.
41. *de Stefano L.* Subordinadas relativas en el español de Caracas. En Elizabeth Luna Traill, I. – Caracas: ARCO/LIBROS. 1992. Pp. 541-551.
42. *Alario A.* El uso del que galicado en hablantes jóvenes caraqueños (de 14 a 30 años). Tesis de Licenciatura. – Caracas: UCV. 1991.
43. *Bentivoglio P., de Stefano L., Sedano M.* El uso del que galicado en el español actual. Ponencia leída en el VIII Congreso Internacional de la ALFAL. – Tucumán: LUZ. 1987.
44. *Navarro Correa M.* Uso del que galicado en el habla de Valencia. XLVII Convención Anual de la AsoVAC. – Valencia: LUZ. 1997.
45. *Rosenblat Á.* El fantasma del que galicado. En la educación de Venezuela. Voz de alerta. – Caracas: Monte Ávila. 1975. Pp. 147-149.
46. *Sedano M.* El que galicado en el habla de Caracas. Lingua Americana 2,1. – Maracaibo: LUZ. 1998. Pp. 3-22.
47. *Sedano M.* A la que yo escribí fue a María vs. Yo escribí fue a Maria. El uso de estas dos estructuras en el español de Caracas. Boletín de Lingüística 9. – Caracas: UCV. 1995. Pp. 51-80.
48. *Bentivoglio P.* Clauses introduced by the preposition para in spoken Spanish: An analysis from a discourse viewpoint. En Carol Neidle y Rafael A. Núñez Cedeño (Eds.), Studies in Romance languages. – Dordrecht: Foris. 1987. Pp. 1-14.
49. *Suñer M.* Lexical subjects of infinitives in Caribbean Spanish. En Oswaldo Jaeggli y Carmen Silva-Corvalán (Eds.), Studies in Romance Linguistics. – Dordrecht: Foris. 1986. Pp. 189-203.
50. *Domínguez C. L.* Estructuración funcional del SN: la cláusula relativa. En Marina Arjona. – Caracas: LUZ. 1996. Pp. 313-318.
51. *Obregón H.* Introducción al estudio de los marcadores interaccionales del habla dialogada en el español de Venezuela. – Caracas: IUPC. 1985. 174 p.
52. *Mostacero R.* La función de los marcadores interaccionales en la apropiación del habla adulta. Tesis de Maestría. – Caracas: UPEL/IUPC. 1991.
53. *Gómez A.* Lenguaje coloquial venezolano. – Caracas: UCV. 1969. – 247 p.